Голос монстра

Автор:
Патрик Несс

Голос монстра

Патрик Несс

Это Тис – монстр, который появляется через семь минут после полуночи. А это Конор – мальчик, у которого есть тайна. И три истории, рассказанные Тисом. Они помогают мальчику понять себя и суть этого мира, который не делится на белое и черное.

Патрик Несс – автор трилогии «Поступь хаоса», мирового бестселлера, перевернувшего все современные представления об антиутопии. Книга «Голос монстра» впервые в истории была удостоена сразу двух медалей – Карнеги и Кейт Гринэуй. Уникальный случай в английской литературе.

Шиван Доуд – британская писательница. Умерла от онкологического заболевания в возрасте сорока семи лет и была посмертно награждена медалью Карнеги за достижения в области литературы.

Патрик Несс

Голос монстра

По оригинальной идее Шиван Доуд

Посвящается Шиван

Молодость всего одна, но разве она не длится дольше, чем мы думаем? Намного дольше, чем мы можем выдержать.

Хилари Мэнтел. Любовный эксперимент

Original title: A Monster Calls

© Text, 2011, Patrick Ness

From an original idea by Siobhan Dowd

Published by arrangement with Walker Books Limited, London SE11 5HJ

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, broadcast or stored in information retrieval system in any form or by any means, graphic, electronic or mechanical, including photocopying, taping and recording without prior written permission from the publisher.

© 2016 Apaches entertainment, Sl; Telecinco cinema, Sau; A Monster calls, AIE; Peliculas la Trini, SLU. All rights reserved.

© Самарина А. И., Тихонова А. А., перевод на русский язык, 2016

Quote from An Experiment in Love by Hilary Mantel Copyright

© 1995 Hilary Mantel. Reprinted by permission of A. M. Heath and Co Ltd.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

With thanks to Kate Wheeler

От автора

Я никогда не виделся с Шиван Доуд. Я знаю ее только по ее превосходным книгам, так можете познакомиться с ней и вы. Она написала четыре молодежных увлекательных романа, два из которых опубликовали при ее жизни, остальные – после смерти, наступившей слишком рано. Если вы их еще не читали, скорее восполните этот пробел.

Эта книга стала бы пятой. Уже были и персонажи, и посыл, и завязка. Чего не было, так это, к сожалению, времени.

Когда мне предложили написать роман по ее задумке, я засомневался. Я не хотел, да и не мог подражать ее стилю. Я оказал бы медвежью услугу и ей, и читателям, и, главное, самой истории. Невозможно создать хорошую книгу таким способом.

Но светлые мысли имеют свойство порождать другие идеи. Я и оглянуться не успел, как задумка Шиван подтолкнула меня к новым замыслам, и у меня зачесались руки от желания записать их, рассказать историю – любой творец мечтает об этой минуте вдохновения.

У меня возникло – и никуда не исчезло – ощущение, будто бы я бегун, которому замечательная писательница передала, как эстафетную палочку, свою историю и сказала: «Держи, донеси ее до всех. Твори!» И я постарался выполнить ее просьбу. Я поставил перед собой задачу написать книгу, которая, по моему мнению, понравилась бы Шиван. Все остальное было не так важно.

Пришло время передать эстафетную палочку Вам, читатель. На писателях марафон не кончается, и не важно, сколько их участвовало в забеге. Мы с Шиван создали эту историю. Держите. Передайте другим.

Творите.

Патрик Несс,

Лондон, октябрь 2010

Голос монстра

Как и все монстры, этот появился сразу после полуночи.

Когда он пришел, Конор уже не спал.

Ему приснился кошмар. Не обычный кошмар, а тот самый. Тот, что последнее время преследовал его почти каждую ночь. Тот, что с мраком, ветром и криками. Тот, в котором он изо всех сил сжимал эти руки, но не мог их удержать. Тот, который всегда кончался на том, что…

– Уходи, – прошептал Конор в темноту комнаты, пытаясь отогнать кошмар, чтобы он не повторился наяву. – Уходи сейчас же.

Он оглянулся на часы, которые мама поставила на прикроватном столике. 00:07. Семь минут после полуночи. Это слишком поздно, если завтра вставать в школу, тем более, если сегодня – воскресенье.

Конор сел в кровати.

Он никому не рассказал о кошмаре. Ни маме, ясное дело, ни папе, с которым он созванивался раз в две недели (или около того), ни бабушке и, ни в коем случае, никому в школе. Ни за что.

То, что происходит в кошмаре, никому знать не надо.

Конор окинул сонным взглядом комнату и нахмурился. Он что-то упускал. Он огляделся, все еще отходя ото сна. Кошмар ускользал от него, но оставалось еще что-то, что он не мог уловить, что-то иное, что-то…

Конор прислушался, но тишину спокойного дома нарушали только поскрипывание с пустого первого этажа и шуршание маминой постели из соседней комнаты.

Больше ничего.

И вдруг он услышал. Услышал то, что, по всей видимости, его разбудило.

Кто-то звал его по имени.

– Конор.

На мгновение его охватил испуг, внутри все сжалось. Он пришел за ним? Каким-то образом вырвался из кошмара и…

– Не глупи, – сказал он себе. – Ты для этого слишком взрослый.

И правда. В прошлом месяце ему исполнилось тринадцать. Монстров боится ребенок. Монстров боится тот, кто писается в кровати. Монстров боится…

– Конор.

Вот опять. Конор сглотнул. На дворе стоял непривычно теплый октябрь, и окно комнаты было еще открыто. Может, шелест занавесок на легком ветру звучит, как…

– Конор.

Ясно, это не ветер. Это именно голос, но он незнакомый. И точно не мамин. Он даже не женский. У Конора мелькнула безумная мысль – может, это папа неожиданно вернулся из Америки, но приехал слишком поздно и не стал звонить и…

– Конор.

Нет. Не папа. В этом голосе было что-то особенное, что-то чудовищное, дикое и необузданное.

Снаружи донесся тяжелый скрип, как будто по деревянному полу ступало нечто огромное.

Ему не хотелось вставать и смотреть, что там такое. И в то же время хотелось, больше всего на свете.

Сна уже не было ни в одном глазу. Конор откинул одеяло, выбрался из кровати и подошел к окну. В бледном свете месяца ясно виднелась церковь, стоявшая на вершине небольшого холма за домом, та, возле которой проходят железнодорожные пути: две стальные линии, что приглушенно светятся по ночам. Месяц освещал и церковное кладбище с надгробными камнями, на которых уже было невозможно что-либо прочесть.

Было видно и огромное тисовое дерево, которое возвышалось над кладбищем – такое древнее, что закрадывались подозрения, будто бы оно сделано из того же камня, что и церковь. Конор знал, что это тис, только потому, что об этом ему рассказывала мама. Первый раз – когда Конор был ребенком, чтобы он не ел ядовитые тисовые ягоды, второй – в прошлом году; тогда она загляделась в окно кухни со странным выражением на лице и сказала: «А знаешь, это же тис».

Вдруг его снова позвали по имени.

– Конор.

Имя словно прошептали в оба уха.

– Ну что? – спросил Конор. Его сердце застучало от внезапного желания поскорее узнать, что будет дальше.

Месяц заслонило облако, пейзаж окунулся во тьму, порыв ветра скользнул вниз по холму и со свистом ворвался в комнату, раздув занавески. Снова раздался скрип и треск дерева, стонущего, как живое существо, как голодный мировой желудок, требующий еды.

Затем облако ушло, и месяц снова засиял.

И осветил тис.

Который теперь стоял прямо в центре сада за домом.

И Конор увидел монстра.

Ветви кроны дерева соединились в огромное, жуткое лицо с блестящим ртом, носом и даже глазами, которые уставились на мальчика. Другие ветви переплетались с непрерывным скрипом и протяжным стоном, пока не образовали длинные руки и вторую ногу, отделившиеся от ствола. Под верхушкой дерева собрался позвоночник, а затем и все туловище, покрытое тонкими, похожими на иглы листьями, словно зеленым мехом, который дрожал и вздымался, как будто под ним скрывались мышцы и легкие.

Монстр уже был выше второго этажа и разрастался, обретая мощную форму, неуловимо сильную, неуловимо могущественную. Все это время он не отрываясь смотрел на Конора, и мальчик слышал его шумное, ветреное дыхание. Монстр оперся громадными руками на стену дома и наклонился так, что в окне были видны только его огромные глаза, вцепившиеся взглядом в Конора, и дом тихонько застонал под его весом.

И тут он заговорил.

– Конор О’Мэлли, – сказал он, и порыв теплого, пахнущего компостом дыхания ворвался в окно и разметал волосы мальчика. Его гулкий, низкий голос гремел так, что вибрации отдавались у Конора в груди.

– Я пришел к тебе, Конор О’Мэлли, – сказал монстр, наваливаясь на дом, сотрясая его так, что со стен комнаты сорвались картины, а книги, гаджеты и старый плюшевый носорог упали на пол.

Монстр, подумал Конор. Настоящий, всамделишный монстр. Наяву. Не во сне, а здесь, за его окном.

Пришел за ним.

Но Конор не убежал.

Он осознал, что ему даже не страшно.

С момента появления монстра он не испытал ничего, кроме нарастающего разочарования.

Потому что он ждал не этого монстра.

– Тогда вперед, – сказал он.

…

Наступила странная тишина.

– Что? – переспросил монстр.

Конор скрестил руки на груди.

– Я сказал «тогда вперед».

На мгновение монстр умолк, а затем с рыком ударил кулаками по дому. Потолок прогнулся под его натиском, и на стенах появились огромные трещины. Комната наполнялась ветром, и воздух разрывали гневные вопли дерева.

– Кричи, сколько хочешь, – невозмутимо пожал плечами Конор. – Видал и похуже.

Монстр зарычал еще яростнее и пробил окно, разломав раму, кирпичи и разбив стекло. Огромная, витая, смолистая рука крепко схватила Конора и оторвала от пола.

Она вытащила его из комнаты в ночную тьму, подняла высоко над садом и держала на фоне луны, и ее пальцы сжимали ребра Конора так, что ему было трудно дышать. В открытой пасти монстра виднелись корявые зубы из твердого, сучковатого дерева, и Конор чувствовал на себе его порывистое горячее дыхание.

С секунду было тихо.

– Ты правда не боишься? – спросил монстр.

– Нет, – ответил Конор. – По крайней мере, тебя.

Монстр сощурился.

– Будешь, – сказал он. – В конце.

Монстр разинул пасть, чтобы съесть его заживо, и это было последним, что запомнил Конор.

Завтрак

– Мам? – позвал Конор, заходя в кухню. Он уже знал, что ее здесь нет – не было слышно кипящего чайника, а она всегда ставила его по утрам. Но последнее время он часто звал ее, в какую бы комнату ни заходил. Конор не хотел напугать маму, если она заснула там, где вовсе не собиралась ложиться.

На кухне ее не было. Значит, она все еще в постели. Значит, Конору придется самому готовить завтрак, и к этому он уже привык. Хорошо. Даже отлично, особенно в это утро.

Он подошел к мусорной корзине и выбросил пакет, который принес с собой, прикрыв его сверху другим мусором, чтобы он был не так заметен.

– Вот так, – в пустоту сказал Конор. Затем кивнул сам себе и добавил: – А теперь завтрак.

Немного хлеба в тостер, хлопьев в миску и сока в стакан – и готово. Мальчик уселся за маленький кухонный стол. У мамы был свой хлеб и свои хлопья, которые она купила в магазине диетических продуктов в городе. К счастью, Конора их есть не заставляли. Вкус у них был такой же удручающий, как и вид.

Конор взглянул на часы. Выходить через двадцать пять минут. Он уже был одет в школьную форму, а собранный рюкзак ждал его у входной двери. Все это Конор делал сам.

Он сел спиной к окну над раковиной, которое выходило на их маленький сад, железнодорожные пути, церковь и кладбище.

И тисовое дерево.

Конор отправил в рот еще одну ложку хлопьев. Их хруст был единственным звуком, нарушавшим тишину.

Это был сон. Чем еще это могло быть?

Сегодня утром, едва открыв глаза, он первым делом взглянул на окно. Конечно, оно было на месте, абсолютно целое и вовсе не разбитое. Ну конечно. Только ребенок мог поверить в то, что это произошло, в то, что дерево – ну вы подумайте, дерево, – спустилось вниз по холму и напало на дом.

Тогда Конор слегка посмеялся, подумав о том, как все это глупо, и встал с кровати.

Под ногами что-то захрустело.

Каждый сантиметр комнаты был укрыт короткими, острыми листьями тиса.

…

Конор жевал хлопья и старался не смотреть на мусорную корзину, в которой спрятал полный пакет листьев, собранных им с утра.

Ночь была ветреная. Очевидно, они влетели в комнату через открытое окно.

Очевидно.

Он доел хлопья и тост, допил сок, сполоснул посуду и поставил в посудомойку. До выхода оставалось еще целых двадцать минут. Конор решил на всякий случай выкинуть мусор и отнес пакет в мусорный бак, стоявший напротив дома. И, раз уж он все равно вышел, собрал и выкинул заодно весь перерабатываемый мусор. И еще запихнул в стиральную машину гору постельного белья, чтобы развесить его после школы.

Конор вернулся на кухню и посмотрел на часы.

Еще десять минут.

Еще не показалась…

– Конор? – донеслось с верха лестницы.

Мальчик шумно выдохнул и только сейчас заметил, как долго он задерживал дыхание.

…

– Ты уже позавтракал? – спросила мама, прислонившись к дверному косяку.

– Да, мам, – ответил Конор и взял в руки рюкзак.

– Честно?

– Да, мам.

Она с сомнением взглянула на него, и Конор закатил глаза.

– Хлопьями, тостом и соком. Я поставил посуду в посудомойку.

– И вынес мусор, – тихо заметила мама, оглядывая чистую кухню.

– И положил вещи в стирку, – добавил Конор.

– Ты молодец, – сказала она, улыбаясь, но Конор услышал грусть в ее голосе. – Прости, что так поздно встала.

– Ерунда.

– Просто опять…

– Ерунда, – с нажимом повторил Конор.

Мама умолкла, но продолжила улыбаться. Она еще не повязала на голову шарф, и голая кожа казалась мягкой и тонкой в утреннем свете, как кожа младенца. На нее было больно смотреть.

– Это тебя я слышала ночью? – спросила мама.

Конор застыл:

– Когда?

– Должно быть, где-то после полуночи, – ответила мама, медленно подходя к чайнику. – Мне показалось, что это сон, но я точно слышала твой голос.

– Наверное, говорил во сне, – бесстрастно пояснил Конор.

– Наверное, – зевнула мама и сняла кружку с сушилки у холодильника. – Забыла тебе сказать, – мягко добавила она, – завтра приезжает бабушка.

Конор поник:

– Ну, мам…

– Знаю, знаю. Но нельзя же, чтобы ты каждое утро сам готовил себе завтрак.

– Каждое? – повторил Конор. – Она надолго приезжает?

– Конор…

– Нам она не нужна…

– Ты же знаешь, каково мне на этой стадии лечения, Конор…

– Пока мы справлялись…

– Конор! – отрезала мама так сурово, что это удивило обоих. Наступила долгая тишина. А потом мама снова улыбнулась, но выглядела она очень-очень уставшей. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы она не задержалась надолго, ладно? – сказала мама. – Я понимаю, что ты не хочешь отдавать ей свою комнату. Прости. Я бы не пригласила ее, если бы это не было необходимо. Не сердись.

Конору приходилось спать на диване всегда, когда приезжала бабушка. Но дело не в этом. Ему не нравилось, как она с ним говорила. Как будто он служащий на испытательном сроке, которого точно не примут. К тому же они с мамой пока справлялись и вдвоем, даже когда ей было совсем тяжело из-за лечения – оно стоило того, чтобы ей стало лучше; так почему?..

– Всего на пару дней, – добавила мама, словно прочитав его мысли. – Не волнуйся, ладно?

Конор потеребил застежку молнии на рюкзаке. Он ничего не ответил, стараясь думать о другом. И вспомнил о пакете листьев, который он выкинул перед завтраком.

Может, бабушкин приезд – это не самое худшее из всего, что может произойти.

– Эта улыбка мне нравится, – сказала мама и потянулась за чайником, который уже выключился, а потом добавила с притворным ужасом: – Представь себе, она привезет мне свои старые парики. – Мама потерла рукой лысую голову. – Я буду похожа на зомби Маргарет Тэтчер.

– Я сейчас опоздаю, – сказал Конор, глядя на часы.

– Ну ладно, милый. – Мама наклонилась и поцеловала его в лоб. – Ты умница. Хотела бы я, чтобы тебе не приходилось быть настолько хорошим.

Уходя, Конор заметил, как она подходит с чаем к окну, и когда он открыл входную дверь, мама тихо, словно говоря сама с собой, произнесла:

– А знаешь, это же тис.

Школа

Когда он встал, во рту уже была кровь. Он сильно прикусил губу, когда упал на пол, и теперь во рту чувствовался отчетливый металлический привкус, и хотелось плеваться, как будто он съел нечто совсем несъедобное.

Но он сглотнул. Гарри с его дружками были бы безмерно счастливы, узнай они о том, что у Конора пошла кровь. Мальчик слышал, как за его спиной смеются Энтон и Салли. Он знал, что за выражение на лице у Гарри, хоть и не видел его. Он даже мог угадать, что сейчас скажет Гарри своим спокойным, довольным голосом, словно пародируя разом всех взрослых, которых ни за что не хотелось бы повстречать.

– Осторожнее на лестнице, – сказал Гарри. – Ты можешь упасть.

Ага, что-то вроде этого.

Так было не всегда.

Гарри – Белокурый Ангелочек, который вечно ходил в любимчиках у всех учителей. Он первый поднимает руку, быстрее всех подает в футболе, но для Конора он – всего лишь одноклассник. Они никогда не были друзьями: у Гарри не было друзей, только прихвостни; Энтон и Салли просто стояли за ним и смеялись, что бы он ни делал. Но и врагами они не были. Конор удивился бы, окажись так, что Гарри знает его имя.

Но за прошедший год что-то изменилось. Гарри начал замечать Конора, встречаться с ним взглядом, заинтересованным и в то же время отрешенным.

Это началось не в одно время с маминой болезнью. Нет, позже, когда Конору начали сниться кошмары, настоящие кошмары, не про идиотское дерево, а те, о которых он не мог никому рассказать, с криками и падением. Когда они начали ему сниться, Гарри обратил на него внимание, как будто на Коноре появилась тайная метка, которую видел только Гарри.

Метка, которая тянула его к Конору, как железо к магниту.

В первый день нового учебного года Гарри поставил ему подножку у входа на территорию школы, и Конор покатился по тротуару.

Так это началось.

Так и продолжалось.

…

Конор стоял спиной к смеющимся Энтону и Салли. Он потрогал языком ранку на губе, чтобы проверить, насколько она глубокая. Сносно. Он это переживет, если не случится еще что-нибудь, пока он идет в свой класс.

Но тут произошло еще кое-что.

Конор вздрогнул, внезапно услышав чей-то голос.

– Оставьте его в покое!

Он обернулся и увидел рассерженную Лили Эндрюс. Она вплотную подошла к Гарри, и Энтон с Салли засмеялись еще громче.

– Твой пуделёк пришел тебя спасти, – улыбнулся Энтон.

– Я просто хочу, чтобы это была честная драка, – нахмурилась Лили и взмахнула кудрявыми локонами, похожими на шерсть пуделя, хоть она и завязывала их в тугой хвост.

– У тебя кровь, О’Мэлли, – заметил Гарри, не обращая внимания на Лили.

Конор прижал ладонь ко рту, но не успел поймать каплю крови, скатившуюся из уголка губ.

– Его лысая мамочка должна старательнее его целовать! – усмехнулся Салли.

У Конора в груди все закипело, как будто внутри него зажглось солнце, но он не успел ничего сделать – Лили его опередила. Гневно закричав, она толкнула ошеломленного Салли в кусты так, что он через них перелетел.

– Лилиан Эндрюс! – произнес голос неподалеку, и это прозвучало, как приговор.

Все застыли. Даже Салли замер, не успев встать. Мисс Кван, их классный руководитель в этом году, мчалась к ним с пугающе хмурым лицом, и ее сдвинутые брови были похожи на свежий шрам.

– Это они начали, – сразу стала защищаться Лили.

– Даже слышать не хочу. Салливан, ты в порядке?

Мельком взглянув на Лили, Салли изобразил гримасу боли:

– Не знаю, мисс. Наверное, мне лучше пойти домой.

– Не преувеличивай. Лилиан, ко мне в кабинет.

– Но мисс, они…

– Немедленно.

– Они смеялись над мамой Конора!

И снова все замерли, и горящее солнце в груди Конора стало жечь еще сильнее, словно хотело спалить его изнутри.

(…в мозгу пронесся отрывок из кошмара – завывающий ветер, слепящая тьма…)

Он отбросил эти воспоминания.

– Конор, это правда? – спросила мисс Кван, серьезная, как во время чтения проповеди.

Из-за вкуса крови во рту Конора сильно тошнило. Он обернулся на Гарри и его приспешников. Энтон и Салли выглядели взволнованными, а Гарри спокойно и невозмутимо ответил на взгляд Конора, словно искренне интересовался тем, что Конор может ответить.

– Нет, мисс, неправда, – сказал Конор, глотая кровь. – Я упал. А они помогли мне встать.

Глаза Лили расширились от обиды и удивления.

– Идите на уроки, – сказала мисс Кван. – А ты, Лилиан, останься.

Лили смотрела на Конора, пока ее уводила мисс Кван, но мальчик отвернулся.

И увидел, что Гарри протягивает ему рюкзак.

– Молодец, О’Мэлли.

Конор молча выхватил у него рюкзак и пошел в класс.

Автобиография

«Истории», – с ужасом думал Конор по пути домой.

Уроки закончились, и он поскорее убежал из школы. Ему удалось весь оставшийся день избегать Гарри и его дружков, хотя они, наверное, понимали, что лучше не рисковать и не устраивать новый «несчастный случай» после того,

как их чуть не поймала мисс Кван. Он избегал и Лили, которая пришла на урок с красными, припухшими глазами и хмурая, как грозовая туча. Услышав последний звонок, Конор тут же выбежал из школы, и у него словно камень с плеч упал: школа, Гарри, Лили – все осталось позади, они отдалялись от него с каждой пройденной им улицей.

«Истории», – опять подумал он.

– Ваши истории, – сказала мисс Марл на уроке английского. – Вы достаточно прожили, чтобы вам было что рассказать.

Она назвала это «автобиографией» и задала им написать о себе самих. Об их семейном древе, родном городе, путешествиях и счастливых воспоминаниях.

О важных событиях.

Конор поправил лямку рюкзака. Ему на ум приходило достаточно важных событий. Но писать о них не хотелось. Уход отца. Исчезновение кошки, которая вышла погулять и не вернулась.

День, когда мама сказала, что им надо поговорить.

Он нахмурился и пошел дальше.

Конор помнил и день накануне этого. Они с мамой пошли в его любимый индийский ресторан, и она разрешила ему заказать сколько угодно виндалу. Потом она засмеялась, сказала: «Почему бы и нет?» – и тоже заказала себе несколько порций. Они еще не дошли до машины, как уже начали пукать. Когда они ехали домой, они пукали так громко, что и говорить не могли от смеха.

Конор улыбнулся своим воспоминаниям. Мама не отвезла его домой из школы. Его ждал сюрприз. Они пошли в кино на фильм, который Конор видел целых четыре раза и знал, что маме он ужасно надоел. Но вот они снова сидели и смотрели его, хихикали себе под нос, объедались попкорном и упивались кока-колой.

Конор был не дурак. Когда на следующий день они с мамой «поговорили», он понял, что она сделала и почему. Но это не отменяет того, что тогда они прекрасно провели время. Что они громко смеялись. Что все казалось возможным. Что в тот момент с ними могло произойти любое чудо – и они ни капельки не удивились бы.

Но об этом он тоже писать не будет.

– Эй! – окликнули его сзади, и Конор тяжело вздохнул. – Эй, подожди, Конор!

Лили.

– Привет, – поздоровалась она, подбежав к Конору.

Лили встала прямо перед ним, и мальчику пришлось остановиться, чтобы не врезаться в нее. Она совсем выдохлась, но ее лицо все еще пылало от гнева.

– Почему ты соврал? – спросила Лили.

Конор оттолкнул ее плечом:

– Оставь меня в покое.

– Почему ты не объяснил мисс Кван, что произошло на самом деле? – настойчиво добавила Лили, не отставая от Конора. – Почему ты оставил меня в беде?

– Зачем ты сунула нос не в свое дело?

– Я хотела помочь тебе.

– Не стоило. Я и сам прекрасно справлялся.

– Неправда! У тебя шла кровь.

– Не твое дело, – огрызнулся Конор и зашагал быстрее.

– Меня будут оставлять после школы целую неделю, а еще мисс Кван написала записку моим родителям, – пожаловалась Лили.

– А мне-то что?

– Но ведь ты виноват.

Конор резко остановился и посмотрел на Лили. Его взгляд был таким злым, что девочка отшатнулась и вздрогнула, словно он напугал ее.

– Ты виновата, – сказал Конор. – Ты виновата во всем.

И пулей помчался прочь.

– Мы были друзьями! – крикнула ему вслед Лили.

– Были, – ответил Конор, не обернувшись.

Они с Лили были знакомы вечность. Или столько, сколько Конор себя помнил, что, по сути, одно и то же.

Их мамы дружили еще до их рождения, и Лили стала для Конора как сестра, жившая в другом доме, тем более, что с ними обоими частенько сидела одна из матерей. Лили и Конор были друзьями, и между ними не было никакой романтики, как бы там ни дразнили их в школе. Конор даже не мог воспринимать Лили как девочку, она отличалась от других учениц школы. Как можно смотреть на нее, как на девочку, если в пять лет вы вместе играли ягнят на рождественском представлении? Если ты знаешь, как часто она ковырялась в носу? Если она знает, как долго ты спал при включенной лампе после ухода отца? Это была всего лишь обычная дружба.

Но потом они «поговорили» с мамой, и все случилось внезапно и просто.

Никто не знал.

Потом, конечно, узнала мама Лили.

Потом Лили.

А потом все. Все. Всего за день его мир перевернулся.

И за это он ее никогда не простит.

Он прошел улицу, другую и наконец увидел свой дом – маленький, но зато только их с мамой. Она настояла на том, чтобы после развода он достался им с Конором, чтобы им не пришлось переезжать после того, как отец улетит в Америку со своей новой женой, Стефани. С тех пор прошло шесть лет, и Конор уже не помнил, каково это – когда в доме есть отец.

Но он все еще об этом думал.

Он поднял глаза на холм за домом, на шпиль церкви, проткнувший облачное небо, на тисовое дерево, нависшее над кладбищем, как спящий великан.

Конор заставил себя присмотреться к нему, чтобы убедиться в том, что это всего лишь дерево, обычное дерево, вроде тех, что стоят возле рельсов.

Дерево. Вот и все. Оно всегда им было. Деревом.

Деревом, которое на его глазах обрело громадное, яростное лицо, залитое солнечным светом, которое вытянуло руки и произнесло: «Конор»… Он резко отступил назад, чуть не упав на дорогу, и схватился за капот припаркованной машины.

Когда он снова взглянул на тис, он увидел перед собой обычное дерево.

Три истории

Тем же вечером Конор лежал в кровати, глядя на часы на прикроватном столике, и не мог уснуть.

Этот вечер тянулся невероятно долго. Мама так устала, после того как разогрела замороженную лазанью, что уснула через пять минут после начала «Жителей Ист-Энда», передачи, которую Конор ненавидел, но записал для нее. Он накрыл спящую мать пуховым одеялом и пошел мыть посуду.

Один раз мамин телефон зазвенел, но она не проснулась. Конор взглянул на экран и увидел, что звонит мама Лили. Он не взял трубку. Конор сделал уроки за кухонным столом, но задание миссис Марл не выполнил, поиграл в Интернете в своей комнате, почистил зубы и лег в кровать. Только он выключил свет, как зашла мама – она выглядела очень уставшей и виноватой – и поцеловала его на ночь.

Прошло несколько минут, и Конор услышал, как ее рвет в уборной.

– Тебе нужна помощь? – крикнул он.

– Нет, милый, – крикнула мама в ответ слабым голосом. – Я к этому уже привыкла.

Да. Вот что самое страшное. Конор тоже к этому привык. На второй и третий день после сеансов терапии ей было хуже всего – она уставала больше прежнего, ее рвало больше прежнего. Это почти вошло в норму.

Через какое-то время в уборной наступила тишина. Конор услышал щелчок выключателя и то, как закрылась дверь в мамину спальню.

Прошло два часа, а он все не мог заснуть. Он ждал.

Но чего?

На часах полночь и пять минут. Уже шесть. Конор посмотрел на окно спальни, наглухо закрытое, несмотря на теплую ночь. Полночь и семь минут.

Он встал, подошел к окну и выглянул в него.

И столкнулся со взглядом монстра в саду.

– Открывай, – сказал монстр, и голос его был слышен так четко, словно их не разделяло окно. – Я хочу поговорить.

– Да, конечно, – тихо ответил Конор. – Обычно монстры этого и хотят. Поговорить.

Монстр улыбнулся леденящей кровь улыбкой.

– Если придется врываться в дом самому, я с радостью это сделаю.

Он поднес сучковатый деревянный кулак к стене спальни.

– Нет! – воскликнул Конор. – Я не хочу, чтобы ты разбудил маму!

– Тогда выходи, – сказал монстр, и даже в комнате Конор почуял влажный запах земли, дерева и смолы.

– Что тебе от меня нужно? – спросил Конор.

Монстр прижался лицом к стеклу.

– Вопрос не в том, что мне нужно от тебя, Конор О’Мэлли, а в том, что тебе нужно от меня.

– Мне ничего от тебя не нужно.

– Пока нет. Но будет.

– Это всего лишь сон, – пробормотал Конор, стоя в саду и глядя на темный силуэт монстра и бьющий в глаза лунный свет. Конор крепко обхватил себя руками – не из-за холода, а оттого, что он не мог поверить в то, что в самом деле тихонько спустился вниз по лестнице, отпер заднюю дверь и вышел наружу.

Он все еще был спокоен. Что странно. Этот кошмар – очевидно, что это кошмар, без сомнений – сильно отличался от другого.

Здесь нет ни страха, ни паники, ни тьмы.

Но есть монстр, который виден так же отчетливо, как звезды ясной ночью, и возвышается над Конором метров на десять – пятнадцать, и тяжело дышит.

– Это всего лишь сон, – повторил Конор.

– Но что такое сон, Конор О’Мэлли? – спросил монстр, наклоняясь к самому лицу мальчика. – Как знать, может быть, сон – это все остальное?

При каждом движении монстра в его громадном теле слышался скрип дерева, стоны и вздохи. Конор видел, как сильные руки монстра – большие крепкие ветви, скручивались, как веревки, и дрожали, словно мускулы, соединенные с крупным стволом-торсом, наверху которого покоилась голова с огромными челюстями, которым Конор был на один зубок.

– Что ты такое? – спросил Конор, еще сильнее сжав себя руками.

– Я не «что», – нахмурился монстр, – а «кто».

– И кто ты?

Глаза монстра расширились, и он заговорил громче:

– Кто я? Кто я?

Монстр начал расти прямо на глазах, становясь все выше и шире. Внезапно вокруг него закрутился сильный ветер, и он широко развел руки, так широко, что, казалось, они коснулись краев Земли и стали такими большими, что ими можно объять весь мир.

– У меня столько имен, сколько лет самому времени! – прогремел монстр. – Одни зовут меня Херн-Охотник, другие Кернунн, третьи просто – Зеленый Человек.

Огромная рука опустилась, схватила Конора и подняла его в воздух, а ветер все еще свистел вокруг него, и листья-иглы, служившие монстру кожей, злобно подрагивали на ветру.

– Кто я? – снова проревел монстр. – Я – хребет, за который держатся горы! Я – слезы, которыми плачут реки! Я – легкие, которыми дышит ветер! Я – волк, убивающий оленя, ястреб, убивающий мышь, паук, убивающий муху! Я – съеденные олень, мышь и муха! Я – змей этого мира, пожирающий свой хвост! Я – все то, что не приручено, все то, что невозможно приручить! – Он поднес Конора прямо к глазам. – Я – дикая земля, и я явился тебе, Конор О’Мэлли.

– Похож ты на дерево, – заметил Конор.

Монстр так сжал мальчика в кулаке, что тот закричал.

– Я редко являюсь людям, – строго произнес монстр. – Только по вопросам жизни и смерти. И я требую, чтобы меня выслушивали до конца.

Монстр ослабил хватку, и Конор снова смог дышать.

– И какое у тебя ко мне дело?

Монстр дьявольски улыбнулся. Ветер стих, настала тишина.

– Наконец-то, – сказал монстр. – Поговорим о деле. О том, почему я тебе явился.

Конор напрягся. Он внезапно испугался того, что скажет монстр.

– Произойдет вот что, Конор О’Мэлли. Я буду приходить к тебе и в следующие ночи.

Желудок Конора сжался, как перед ударом.

– И расскажу тебе три истории. Истории о том, как я являлся людям.

Конор заморгал.

– Ты расскажешь мне истории?

– Верно.

– Ну… – Конор изумленно оглянулся. – И что же тут кошмарного?

– Истории – это самое дикое, что есть на свете, – прогрохотал монстр. – Они и преследуют, и нападают, и охотятся.

– Учителя всегда так говорят. Но никто им не верит.

– И когда мои истории закончатся, ты поведаешь мне четвертую, – добавил монстр, словно не заметив слов Конора.

Мальчик заерзал в огромной руке.

– Я не умею рассказывать истории.

– Ты поведаешь мне четвертую, – повторил монстр. – И она будет правдой.

– Правдой?

– Не обычной правдой. Твоей правдой.

– Ла-а-адно, – протянул Конор. – Но ты говорил, я буду напуган, а это звучит совсем не страшно.

– Ты знаешь, что это не так. Ты знаешь свою правду, ту, которую ты прячешь, Конор О’Мэлли, то, чего ты больше всего боишься.

Конор затих.

Не может быть…

Он не мог иметь в виду…

Он не может знать об этом.

Нет. Нет. Он никогда не расскажет о том, что происходит в настоящем кошмаре. Никогда и ни за что.

– Ты расскажешь. Для этого ты позвал меня.

Конор вконец смешался.

– Позвал? Я тебя не звал…

– Ты поведаешь четвертую историю. Ты расскажешь мне правду.

– А что, если нет?

Монстр вновь дьявольски улыбнулся.

– Тогда я съем тебя заживо.

И его пасть раскрылась невозможно широко, и она могла поглотить целый мир, в ней Конор мог исчезнуть навсегда…

Он с криком сел в кровати.

Своей кровати. Он вернулся в свою кровать.

Конор сердито вздохнул. Конечно, это был сон. Разумеется.

Снова.

Он протер глаза ладонями. Как можно отдохнуть, когда его сны так изматывают?

«Надо попить воды», – подумал он, сбрасывая с себя одеяло. Надо встать и прожить эту ночь заново, как будто не было этого дурацкого, бессмысленного сна…

Что-то хлюпнуло у него под ногами.

Конор включил лампу. Пол был укрыт ядовитыми красными ягодами тиса.

Которые непонятно как влетели в его наглухо закрытое окно.

Бабушка

– Ты хорошо себя ведешь? Ради мамы.

Бабушка так сильно ущипнула Конора за щеки, что он мог поклясться – она хотела выдавить из них кровь.

– Он очень хорошо себя ведет, мам, – сказала мама Конора, подмигивая ему за спиной бабушки. На ее голове был повязан любимый синий шарф. – Не стоит его так мучить.

– Ерунда, – отмахнулась бабушка и пару раз игриво ударила Конора по щекам, причем очень больно. – Поставишь чайник для нас с мамой? – спросила она, но это прозвучало как приказ.

Конор с радостью вышел из комнаты, а бабушка уперла руки в бока и взглянула на дочь.

– Итак, моя дорогая, – услышал Конор, заходя в кухню. – Что же нам с тобою делать?

Бабушка Конора отличалась от других бабушек. Он не раз встречался с бабушкой Лили, и она была такой, как надо: морщинистой, улыбчивой и седой.

Она готовила еду на всех, давала каждому по три порции разваренных овощей, а на Рождество сидела в углу с бокальчиком шерри в руках и бумажной короной на голове и смеялась.

Бабушка Конора носила сшитые на заказ брючные костюмы, закрашивала седину и говорила бессмыслицу вроде: «Шестьдесят – это новые пятьдесят» или «Классическим автомобилям нужна самая дорогая полировка». Что это вообще значит? Она посылала открытки на день рождения по почте, спорила с официантами о вине и все еще работала. Хуже всего был ее дом, обставленный дорогим антиквариатом, до которого и дотронуться не разрешалось. К старым часам она не подпускала даже уборщицу. Кстати, да. Часто вы встречаете бабушек, у которых есть уборщицы?

– Два кусочка сахара, молока не надо, – послышалось из гостиной. Как будто Конор это не запомнил за прошлые три тысячи раз, когда она приезжала в гости.

– Спасибо, мой мальчик, – сказала бабушка, когда он внес чай.

– Спасибо, милый, – сказала мама и улыбнулась украдкой, приглашая сына занять ее сторону в этом противостоянии с бабушкой. Конор не сдержался и слегка улыбнулся в ответ.

– Как прошел учебный день, молодой человек? – спросила бабушка.

– Нормально, – ответил Конор.

На самом деле нет. Лили все еще сердилась, Гарри положил маркер без колпачка на дно его рюкзака, а мисс Кван подозвала его к себе и с серьезным видом поинтересовалась, «как он держится».

– Знаешь, – бабушка поставила чашку на стол, – недалеко от моего дома есть замечательная частная школа для мальчиков. Я про нее узнавала. Там высокие учебные стандарты, намного выше, чем в его – общеобразовательной.

Конор уставился на бабушку. Вот еще почему он не любил, когда она приезжала в гости. Скорее всего, разговор о школе был лишь проявлением снобизма.

А может, чем-то большим. Намеком на возможное будущее.

Возможное потом.

Конор ощутил, как в нем разгорается гнев…

– Ему и здесь хорошо, – быстро сказала мама и посмотрела на Конора. – Правда?

Конор сжал зубы и ответил:

– Мне и здесь неплохо.

На ужин они заказали китайскую еду. Бабушка Конора «не жаловала готовку». Действительно, всегда, когда Конор гостил у бабушки, в ее холодильнике нельзя было найти ничего, кроме яйца и половинки авокадо. У мамы Конора все еще не было сил на кулинарные подвиги, и несмотря на то что Конор мог бы что-нибудь сообразить, бабушке даже в голову не пришло попросить его об этом.

Но его оставили убираться. Он прикрывал упаковками из фольги пакет ядовитых ягод, который спрятал на дне мусорной корзины, когда сзади подошла бабушка.

– Нам надо поговорить, мой мальчик, – сказала она и загородила дверь, перекрывая путь к отступлению.

– У меня есть имя, знаете ли, – ответил Конор, приминая мусор. – И это не «мой мальчик».

– Не дерзи. – Бабушка сложила руки на груди. Конор пристально посмотрел на нее. Она ответила ему тем же. И цокнула языком. – Я тебе не враг, Конор. Я приехала, чтобы помочь твоей маме.

– Я знаю, зачем вы приехали. – Конор достал тряпочку, чтобы протереть и так чистый стол.

Бабушка протянула руку и выхватила у него тряпку.

– Затем, чтобы тринадцатилетний мальчик не протирал столы, если в этом нет необходимости.

Конор косо посмотрел на бабушку:

– А вы будете это делать?

– Конор…

– Уходите. Вы нам не нужны.

– Конор, – строго повторила бабушка, – нам надо поговорить о будущем.

– Нет, не надо. Ей всегда плохо после сеансов терапии. Завтра ей станет лучше. А вы… – он выразительно посмотрел на бабушку, – сможете вернуться домой.

Бабушка подняла взгляд на потолок и вздохнула. И потерла лицо руками. Конор удивленно заметил, что она сердита, очень сердита.

Но, может, не на него.

Он взял другую тряпку и снова принялся за протирку стола, только чтобы не смотреть на бабушку. Он протер стол до самой раковины и выглянул в окно.

Большой, освещенный закатным солнцем монстр стоял в саду.

Наблюдал за ним.

– Завтра будет казаться, что ей лучше, – ответила бабушка хриплым голосом. – Но на деле это не так.

Ну, это уже слишком. Конор повернулся к бабушке:

– Ей становится лучше после сеансов терапии. За этим она туда и ходит.

Бабушка задержала на нем взгляд, словно решая что-то для себя.

– Обязательно поговори с ней об этом, Конор, – наконец сказала она, а затем добавила себе под нос: – Ей надо поговорить об этом с тобой.

– О чем? – переспросил Конор.

Бабушка скрестила руки на груди.

– О том, что ты будешь жить со мной.

Конор нахмурился, и на мгновение комната словно стала мрачнее, показалось, что весь дом сотрясается, что можно наклониться и вырвать пол из темной, глинистой земли…

Он моргнул. Бабушка ждала его ответа.

– Я не буду с вами жить, – отрезал Конор.

– Конор…

– Я никогда не буду с вами жить.

– Нет, будешь. Прости, но будешь. Я знаю, что она пытается тебя защитить, но ты должен знать, что после того, как все это кончится, у тебя будет дом, мой мальчик. Это важно. Дом, в котором тебя будут любить, в котором о тебе позаботятся.

– Когда все это кончится, вы уедете и мы будем счастливы, – злобно ответил Конор.

– Конор…

И тут из гостиной донеслось слабое:

– Мам? Мам?

Бабушка пулей вылетела из кухни – так быстро, что Конор подпрыгнул от неожиданности. Он слышал, как мама кашляет, а бабушка шепчет:

– Все хорошо, милая, все хорошо, тихо, тихо…

Он снова выглянул в окно, выходя из кухни.

Монстр исчез.

Бабушка сидела на диванчике, приобняв его маму, и массировала ей спину, а ту рвало в небольшое ведро, которое она всегда держала поблизости, на всякий случай.

Бабушка посмотрела на Конора, но ее лицо не выражало ничего, и нельзя было понять, о чем она думает.

Дикие истории

Дом погрузился во тьму. Бабушка наконец уложила маму в кровать, зашла в комнату Конора, закрылась там, даже не спросив, не нужно ли ему взять что-нибудь оттуда, и легла спать.

Конор лежал на диванчике с открытыми глазами. Он сомневался, что сможет уснуть после всего того, что сказала ему бабушка, после того, как выглядела сегодня мама. После сеанса терапии прошло три дня, обычно ей в это время становится лучше, вот только ее все еще рвало, она все еще была изможденной – намного дольше, чем обычно…

Конор выкинул эти мысли из головы, но они вернулись, и он их снова отбросил. Похоже, что незаметно для себя он уснул, но Конор понял, что спит, только когда к нему подкрался кошмар.

Не дерево-монстр. Тот самый кошмар.

С порывами ветра, дрожащей землей и руками, которые он крепко сжимал в своих, но они все равно ускользали, он сжимал их изо всей силы, но этого было недостаточно, его руки сами разжимались, а потом – падение и крики…

– НЕТ! – пронзительно завопил Конор. От ужаса он проснулся, схватился за грудь, как будто не мог дышать, его горло сдавило, и глаза наполнились слезами. – Нет, – повторил он уже чуть слышно.

В доме было темно и тихо. Конор прислушался, но не услышал ни шевеления, ни звука из комнат мамы и бабушки. Он сощурился, чтобы разглядеть в темноте часы на DVD-плеере.

Семь минут после полуночи. Конечно.

Он вслушался в тишину. Ничего не происходило. Он не слышал ни своего имени, ни скрипа дерева. Может, сегодня он не придет.

Часы показали восемь минут.

Девять.

Слегка рассердившись, Конор поднялся, зашел в кухню и выглянул в окно.

Монстр стоял в саду за домом.

– Почему так долго? – спросил он.

…

– Пришло время рассказать тебе первую историю.

Конор неподвижно сидел на скамейке в саду, прижав к себе колени и уткнувшись в них подбородком.

– Ты слушаешь? – спросил монстр.

– Нет.

Конор ощутил, как вокруг него снова засвистел жестокий ветер.

– Я заставлю тебя слушать! – взревел монстр. – Мне столько же лет, сколько самой земле, и ты будешь уважать меня, как положено…

Конор поднялся и направился к двери на кухню.

– Куда это ты идешь? – потребовал ответа монстр.

Конор развернулся, и на его лице было написано столько гнева, столько боли, что монстр застыл и удивленно приподнял свои огромные, лиственные брови.

– Да что ты знаешь? – выплюнул Конор. – Хоть о чем-нибудь?

– Я знаю тебя, Конор О’Мэлли.

– Вовсе нет. Если б знал, то понял бы, что у меня нет времени на глупые, скучные истории, которые хочет рассказать мне глупое, скучное дерево, которое даже не настоящее…

– Вот как? И ягоды на полу комнаты тебе тоже приснились?

– И что с того, если нет?! – закричал Конор. – Это просто дурацкие ягоды! Ой-ой, как страшно! О, пожалуйста, ну пожалуйста, избавь меня от ягод!

Монстр посмотрел на него с недоумением.

– Странно, – сказал он. – Ты говоришь, что боишься ягод, но твои действия говорят об обратном.

– Ты стар, как сама земля, а о сарказме не слышал?

– Конечно, я о нем слышал. – Монстр упер огромные ветвистые руки в бока. – Но обычно люди понимают, что со мной так лучше не разговаривать.

– Ты не оставишь меня в покое?

Монстр покачал головой, но не в ответ на вопрос Конора.

– Как необычно… – проговорил он. – Что бы я ни делал, ты меня не боишься.

– Ты всего лишь дерево. – Конор не мог смотреть на монстра в другом свете. Конечно, он ходил и разговаривал, был выше его дома и мог проглотить его, как мошку, но в конце концов монстр был обычным тисовым деревом. Конор даже заметил, что на его локтях растут ягоды.

– И кроме меня, в твоей жизни есть вещи пострашнее, – сказал монстр, и это был не вопрос.

Конор посмотрел на землю, на луну – лишь бы не глядеть в глаза монстру. Он снова ощущал себя, как в том кошмаре, все вокруг помрачнело, стало казаться тяжеловесным и нереальным, словно его попросили поднять голыми руками огромную гору и пригрозили не отпускать, пока он это не сделает.

– Я думал… – начал Конор, прокашлялся и продолжил: – Ты видел меня в окно, когда я ругался с бабушкой, и я подумал…

Он умолк.

– О чем? – спросил монстр.

– Забудь. – Конор отвернулся к дому.

– Ты подумал, что я здесь, чтобы помочь тебе.

Конор остановился.

– Ты подумал, что я пришел сразить твоих врагов. Истребить твоих драконов.

Конор не оглянулся. Но и в дом не зашел.

– Ты осознал правду, когда я сказал, что это ты позвал меня, и поэтому я тебе явился. Разве нет?

Конор обернулся.

– Но все, что ты собрался делать – это рассказывать истории, – разочарованно произнес он. Монстр был прав. Именно об этом он и подумал. Он на это надеялся.

Монстр встал на колени и оказался лицом к лицу с Конором.

– Истории о том, как я сражал врагов. Истории о том, как я истреблял драконов.

Конор моргнул.

– Истории – дикие создания, – сказал монстр. – Если отпустить их на свободу, кто знает, каких бед они могут натворить?

Монстр посмотрел вверх, и Конор проследил за его взглядом. Он смотрел на окно его спальни. Туда, где спала его бабушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6716791&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/patrik-ness/golos-monstra-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить